

Асп. Н. О. Шаракшинова

О ПЕРЕВОДАХ ПУШКИНА НА МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Народная революция 1921 г. является самым знаменательным событием в истории Монголии. Она освободила страну от колониального гнета, сбросила теократов и феодалов с исторической сцены. Монгольский народ вручил свою судьбу народно-революционной партии. Рухнула феодально-эксплуататорская система, родилась новая, свободная Монголия.

Монголия — степная страна с разрозненным, кочевым населением. Она стонала под гнетом империалистов царской России и Японии, милитаристов Китая; это страна, где феодалы-князья, высшие ламы и неограниченная власть «бога на земле» — Богдо Гэгэна — держали народ в тисках чудовищной эксплуатации и несправедливости. Это страна, которая сломала и разрушила все преграды, победила угнетателей, создала независимое, национальное государство, заложила фундамент, обеспечивающий этому государству некапиталистический путь развития.

Победа не пришла сама собой. Она завоевана трудящимися Монголии в тяжелой кровопролитной борьбе, которая явилась прямым откликом монгольского народа на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России. Победа Октябрьской революции, создавшей первое в мире государство трудящихся, была ярким примером для всех угнетенных народов и Запада и Востока. Она рождала у народов всех стран, в том числе и Монголии, веру в светлое будущее, втягивала их в борьбу с угнетателями. Она превращала национально-освободительное движение монгольского народа из частного в общее, выводя угнетенные народы Монголии на мировую арену борьбы с империализмом.

Первым шагом молодого народного революционного правительства было установление дружественных отношений с Советской Россией.

Монгольская Народная Республика установила с Советским Союзом не только политические, но и культурно-экономические связи. Ярким свидетельством культурного содружества служит возросший интерес в МНР к русской классической и советской литературе, богато представленной в переводах на монгольский язык.

Интерес к русской литературе и вообще к русской культуре не случайный факт, так как русская литература несомненно самая передовая литература в мире.

О благоотворном влиянии советской литературы на развитие современной монгольской литературы говорил в своем выступлении на I съезде монгольских писателей заведующий отделом пропаганды ЦК МНРП Дугур Сурун. Он отметил, что современная монгольская литература развивалась и развивается под влиянием лучших образцов со-

ветской литературы, которая определила характер и идейную направленность монгольской литературы. Далее Дугур Сурун обращал внимание на то, что молодые монгольские писатели на примере советской литературы и ее социалистического реализма учатся изображать в своих произведениях жизнь народа, его борьбу и лучшие устремления.

В дореволюционной Монголии художественная литература была развита очень слабо. Трудовые слои монгольского народа из поколения в поколение устно в песнях, поэмах, былинах, поговорках, пословицах передавали свои мысли и чаяния. В песнях и сказаниях народ воспевал свободу, мечту о счастье, о светлом будущем. Монгольские феодалы и иностранные поработители искореняли монгольскую культуру, не давали возможности развиваться народным талантам.

Дореволюционная письменная монгольская литература, в основном, была переводной. Оригинальных произведений, даже религиозно-мистического содержания, было мало, что же касается произведений светского характера, то они почти отсутствовали.

Переводились сочинения с восточных языков, например, с тибетского, различных буддийских писателей и поэтов, поэмы мистика Миларайбы, а также многочисленные легенды и притчи, повествования о похождениях Молон-Тойна.

В них воспеваются учение Будды, подвиги буддийских монахов и святость их жизни. Из Индии через Тибет проникали в Монголию и получали большое распространение многие повести и рассказы, как например, «Волшебный мертвец», сказание о царе Викрамадитья, сказки из «Панчатантры» и т. д., с китайского языка переведено большое количество романов и повестей, например, романы «Сань-го-джи» (История трех стран), «Эль-думей», сказание о Тансан-ламе и др.

До революции монгольская литература, печатавшаяся ксилографическим способом и в ограниченном количестве, была известна лишь правящей верхушке — княжеско-клерикальным слоям Монголии.

Собственно монгольская оригинальная литература, свободная от религиозно-мистического содержания, появляется лишь после аратской революции 1921 г. С этого времени стала развиваться новая литература, национальная по форме, революционная по содержанию.

Советская литература помогает дальнейшему развитию и росту молодой монгольской литературы.

В первые годы революции преобладают драматические произведения и стихи. Появляется поэзия антифеодальная и антиимпериалистическая по своему содержанию. Эта поэзия первоначально ничем не отличается по форме от народных песен, построенных на аллитерации и рифмовке начальных и конечных слогов.

Примерно с 1926 г. в монгольской литературе появляются первые образцы прозы. Из прозаических произведений того периода можно назвать повесть «Толбо нур», появившуюся в 1926 г. В ней описывается гражданская война в Монголии. Появляются коротенькие рассказы Нова Намжила. В 1929 г. выходит первый рассказ Ц. Дамдин-Сурэна «Гологдоксон хухэн» — «Отвергнутая девушка». В этих произведениях отражается жизнь Монголии того периода, ее быт и нравы, люди, главным образом, новые люди — представители революционной молодежи — и их столкновения со старым.

Авторы этих произведений ярко изображают борьбу нового со старым, процесс переделки сознания людей и их морально-политический рост в революционной борьбе.

В фольклоре современной Монголии освобожденный монгольский

народ воспеваает своих лучших сынов, борцов за национальную независимость. Литература живо откликается на все то, что ныне волнует монгольский народ и чем живет Монгольская Народная Республика.

Наиболее любимыми образами в песенной поэзии являются образы вождей мирового пролетариата Ленина и Сталина, образы вождей монгольской революции Сухэ Батора и Чойбалсана.

О братском содружестве советской и монгольской литературы говорит передовая газеты «Унэн» — Правда от 2/V—1948 г. «Сила и остротность нашей литературы заключается также в кровном родстве с самой передовой в мире литературой советского народа. В произведениях советских авторов наши писатели находят образцы высокой идейности, партийности, примеры яркого всестороннего отражения жизни и борьбы народа, находят в ней положительного героя, нового социалистического человека, который стал идеалом для всего передового человечества. Наши писатели воспитываются на произведениях классиков советской литературы: М. Горького, Д. Фурманова, В. Маяковского, Н. Островского и других современных писателей: А. Фадеева, И. Эренбурга, К. Симонова, Б. Горбатова, В. Катаева, В. Василевской».¹

Талантливый монгольский поэт Ч. Чимит, выражая мысли и чувства своих коллег по перу, в статье, посвященной подготовке к съезду монгольских писателей, пишет: «Русская литература — это голос передового человечества, сокровищница его лучших стремлений, мыслей, чаяний. Читая и перечитывая произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Горького, Маяковского и других писателей, я ясно видел, что лишь безграничная любовь к своей Родине, к своему народу, страстная борьба за его идеалы, подобно каплям «живой воды», обесмертили чудесные строки этих титанов человеческой мысли».²

Наряду с оригинальной монгольской литературой появляется и переводная литература с русского языка. В 1925 г. посол Монгольской Народной Республики в Москве от имени монгольских писателей обратился к А. М. Горькому с просьбой, указать для перевода на монгольский язык книги, которые могут принести наибольшую пользу монгольскому народу.

А. М. Горький, основоположник советской литературы, который был первым и лучшим художником-воспитателем советских писателей, ответил монгольским литераторам большим письмом.³

А. М. Горький отметил, какую великую и трудную задачу ставит перед собою монгольская интеллигенция, начиная переводы русской художественной литературы на монгольский язык.

Алексей Максимович указывал, что наиболее полезна для народа проповедь принципа активности, активного отношения к жизни. Поэтому, надо переводить те книги, в которых этот принцип выражен наиболее ярко, те книги, которые проникнуты напряжением мысли, стремящейся к действительной свободе, а не к свободе бездействия.

На монгольский язык переведены десятки произведений крупнейших писателей русской классической литературы, а также произведения современной советской литературы.

Наибольшее внимание переводчиков привлекли произведения великого русского писателя А. С. Пушкина.

¹ Газета «Унэн» от 2 мая 1948 г., 77(1807), из статьи «Знаменательные события».

² Газета «Унэн» от 31 марта 1948 г., № 75(1805), из статьи «На правильном пути».

³ Журн. «Современная Монголия». 1936, № 4—5, стр. 17, «А. М. Горький».

Первое знакомство монгольских читателей с произведениями великого русского писателя А. С. Пушкина относится к 1936 г. За переводы взялись виднейшие монгольские поэты и прозаики: Ц. Дамдин-Сурэн, Д. Нацокдоржи, Дашидоржи, Ш. Нацокдоржи, Э. Оюн, Х. Перлээ, Гонгоржаб, Цеденжаб, Дэлик-Мунко и др.

Широкий охват русской жизни, глубокая народность пушкинских произведений, красота и музыкальность его языка, привлекали внимание переводчиков.

На монгольский язык переведено около 30 произведений А. С. Пушкина.

Особенно оживился интерес к Пушкину и его творчеству в Монголии в связи с пушкинскими днями в 1937 г., когда все народы Советского Союза отмечали столетие со дня смерти своего великого поэта.

Интерес к произведениям А. С. Пушкина проявился не только среди монгольских писателей, интеллигенции, но и среди широких масс трудового аратства. Произведения великого писателя в переводах и в оригинале появляются не только в библиотеках, читальнях, но и в юртах аратов, кочующих по безбрежным пустыням Гоби и монгольских степей.

Недаром поэт сказал:

Пушкина творенья, его звучные напевы
На всех языках зазвучали,
И скотовод степей, монгол Гоби
Читает Пушкина стихи...¹

На монгольский язык переведены стихи, поэмы, драматические и прозаические произведения.

В 1936 г. было издано несколько стихотворений: «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (в перев. Ц. Дамдин-Сурэна), «Узник» (в перев. Д. Нацокдоржи) и трагедия «Борис Годунов» (перев. Б. Ринчина).

В 1937 г. ко дню юбилея появляется ряд произведений: «Аквилон» (перев. Н. Цеденжаба), «Анчар» (перев. Д. Нацокдоржи), «Ворон к ворону летит» (перев. Д. Нацокдоржи), «Земля и море» (перев. Д. Нацокдоржи), «Туча» (перев. Дамдин-Сурэна), «Письмо Татьяны» из «Евгения Онегина» (перев. Дашидоржи), «Выстрел» (перев. Д. Нацокдоржи), «Метель» (перев. Э. Оюн), «Сказка о золотом петушке» (перев. Дашидоржи).

В 1938 г. появился перевод «Песни о вещем Олеге», сделанный Ц. Дамдин-Сурэном.

В 1940 г. опубликована в переводе Дамдин-Сурэна «Сказка о рыбаке и рыбке». В 1941 г. переведены стихи «Зимняя дорога» (перев. Ш. Нацокдоржи), «К няне» (перев. Ш. Нацокдоржи), «Конь» (перев. Х. Перлээ); из повестей — «Барышня-крестьянка» (перев. Б. Ринчина).

В 1942 г. переведены «Капитанская дочка» (перев. Э. Оюн), «Памятник» (перев. Х. Перлээ).

В 1944 г. опубликовано стих. «Шопот» (перев. Гонгоржаба). В 1946 г. появилась сказка «О царе Салтане» (перев. сделан Дэлик-Мунко и Джадамба), повесть «Дубровский» (перев. Гонгоржаба). Поэма «Цыганы» (перев. Цеденжаба).

Из сделанного выше перечня видно, что на монгольский язык переводились произведения различного характера.

Ведущие поэты и писатели Монголии, лучшие переводчики пушкинских произведений Ц. Дамдин-Сурэн, Э. Оюн, Д. Нацокдоржи удачно

¹ Ц. Дамдин-Сурэн. Избр. произв., Госиздат, Улан-Батор, 1944, Стих. «Пушкин», стр. 38—39.

выбрали именно те произведения гениального русского художника, которые наиболее близки и доступны пониманию широких масс монгольского народа.

Литераторы Монголии приложили немало усилий, чтобы точно передать содержание, сохранив всю глубину человеческих чувств, правдивость в изображении действительности, свойственную Пушкину, и красоту и силу пушкинского творчества.

Переводчикам удалось передать оптимизм великого писателя, жившего в мрачные дни тяжкого порабощения народов царской России, его веру в грядущее освобождение и возрождение этих народов, его призыв к борьбе за торжество разума, просвещения и свободы.

Переводы Пушкина в развитии современной монгольской литературы, несомненно, играют весьма видную роль. По количеству они еще не могут быть названы достаточными, но по своему качеству они, в большинстве своем, хороши. Эти переводы могут быть названы, пользуясь терминологией покойного акад. Л. В. Щербы, действительно реальными переводами, передающими на правильном современном монгольском языке образы и язык Пушкина. Таким образом, переводы эти удачно выполняют задачу всякого перевода, не отходя далеко от подлинника, знакомя читателя с идейным содержанием, с общим характером произведения, с образами и стилем писателя.

Наиболее удачные переводы принадлежат писателю и поэту Ц. Дамдин-Сурэну.

Язык Дамдин-Сурэна живой, образный, простой, близкий к современному разговорному языку и легко доступен широким массам читателей.

Примером наиболее точной передачи как содержания и образов, так и музыкальности стиха может служить, по моему мнению, перевод стихотворения «Туча».

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день —

которое на монгольском языке звучит так:

Арилсан борооны эцсийн үүл
Ариун огторгуйд ганцаар хөвбөлзбөд,
Бараан сүдрээ газарт буулгаж,
Баярт бдрийг гутааж байна.

Думаю, что даже не знающие монгольского языка, ощущают ритмичность перевода, близкую к ритму стихотворения «Туча», что же касается образов, то они переведены довольно точно. Так, в первой строфе вместо «туча рассеянной бури», мы имеем «туча прошедшего ливня», вместо «несешься по ясной лазури» — «плывешь по чистой лазури», вместо «наводишь унылую тень» — «темную тень», вместо «печалишь ликующий» день — «портишь радостный день».

Можно сказать, что образы перевода в этой строфе очень близки к пушкинским. Единственный образ, дающий несколько замедленное движение, это «плывешь по чистой лазури» вместо пушкинского стремительного «несешься по ясной лазури».

Вторая строфа:

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Саяхан чи тэнгэрийг бүрхээд
 Сацарсан цахилгаан чамайг ороогоод,
 Аянгийн дууг нижигнүүлэн бэйж,
 Ангасан газрыг хураар ундалба.

Первая строка переведена совершенно точно. Вторая и третья строки переведены при помощи привычной для монгольского языка деепричастной формы: вместо

И молния грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный гром

сказано

Сверкнувшая молния, обвивая тебя,
 Звук издавая громовый.

Слово «таинственный» осталось без перевода. Затем последняя строка: здесь вместо «алчную землю» сказано «жаждущую землю». Таким образом вместо пушкинской строки «И алчную землю поила дождем» сказано «жаждущую землю поила дождем». Точнее бы было перевести «жадную землю», но и этот перевод нельзя не признать удачным, так как он только несколько смягчает эпитет, но не меняет основного смысла.

В третьей, последней, строфе дан несколько более вольный перевод. Вторая строка пушкинского стиха сделана первой строкой. Вместо энергичного «буря промчалась», дано «буря прошла». Эмоциональный приказ: «Довольно, сокройся!» заменен спокойным: «Хорошо сокрыться!»

Последние две строки переведены совершенно точно, пропущено только слово «древес». Сказано просто «листочки».

Думаю, что без всякого преувеличения можно назвать перевод удачным и точным, более точным и, принимая во внимание значительно меньшую разработанность монгольского стиха и большую отдаленность русской поэзии от монгольской, не менее талантливым, чем стихотворение «Сосна» — знаменитый перевод Лермонтова из Г. Гейне, подробный анализ которого дан в известной статье акад. Л. В. Щербы, помещенной во II томе «Советского языкознания» за 1936 г.

Перевод стихотворения «Туча» сделан средствами монгольского стихосложения в ритме монгольского стиха с рифмовкой начальных слогов и аллитерацией.

Дамдин-Сурэн, не ограничиваясь только практикой перевода, впервые дал на монгольском языке некоторые теоретические положения о переводе с русского языка.

Во втором номере журнала «Шинэ толь» — «Новое зеркало» (1938) напечатан перевод «Песни о вещем Олеге» с примечаниями. Параллельно с монгольским текстом дан русский текст и примечания на русском языке. В этом же номере журнала Дамдин-Сурэн в обширной статье высказывает свои соображения по поводу сделанного им перевода «Песни о вещем Олеге» и переводов некоторых других стихов.

В начале статьи Дамдин-Сурэн знакомит монгольских читателей с задачами, стоящими перед переводчиками. Далее он практически показывает на своих переводах, главным образом, на переводе «Песни о вещем Олеге», способы точной передачи идейного и фактического содержания стихотворения, образов и музыкального ритма стиха.

«Песнь о вещем Олеге» по своей тематике и по образам близка к монгольской народной поэзии: тот же воинственный дух, те же знакомые образы воинственного князя, волхва-предсказателя, любимого коня, знакомые монголам щиты и стрелы, но, с другой стороны, здесь много далекого от Монголии: Царьград, Киев, Днепр, хозары, Перун, дружина, тризна, секира, праща и др.

Дамдин-Сурэн сохраняет в переводе все собственные имена, и новые, незнакомые монгольскому читателю образы, дает к ним, хотя и краткие, но удачные объяснения, которые делают перевод до конца понятным читателям. Что касается самой техники передачи стиха, то здесь Дамдин-Сурэну удается передать тон несколько торжественного повествования, но другими средствами, чем это сделано у Пушкина. А именно: при помощи объединения самостоятельных пушкинских предложений, связанных с одним центральным образом в одно монгольское предложение с несколькими деепричастными формами, что и придает на монгольском языке нужный темп речи. Так, в первой строфе три самостоятельных предложения, связанные с образом Олега:

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам:
Их села и нивы, за буйный набег,
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в царьградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Олег сэцэн ноянтан
Олон баатарга дагуулан,
Тэнэг мүсийн хазааруун
Тэрслэн даариксануу харнуд,
Гал мэсийн аюулаар
Газар оронийн сүйдхэж,
Ушиё хоросхолоо абхийг
Унóб забдон бэлэдхэж,
Хаану хотод хигсэн
Хатан хуягаа эмбсчу,
Хүлэг морёо унаад,
Худóб тээшэ ябаба.

Первую строфу Дамдин-Сурэн переводит одним предложением с подлежащим «Олег», с четырьмя деепричастными формами: «ведя за собой», «желая разорить», «готовясь мстить за зло воздать», «сев верхом» и со сказуемым «отправился». Также переведена вторая строфа, посвященная кудеснику. Дамдин-Сурэн, не считая такое объединение стрóf обязательным, переводит, например, четвертую строфу, сохраняя количество пушкинских предложений, но большинство стрóf переводится путем соединения.

Этот принцип, не нарушая ритма пушкинского стиха, придает переводу характер, близкий к строю монгольской эпической поэзии.

Работая над переводом, Дамдин-Сурэн, как он сообщает в названной выше статье, занумеровал каждое слово и подобрал к нему наиболее точно передающее его содержание монгольское слово. При этом оказалось, что многие русские слова на монгольском языке приходилось передавать не одним словом, а словосочетанием из двух, а иногда и более слов. Например, два слова «ныне собирается», пришлось перевести словами «теперь, готовясь, собирается», слово «отомстить» совершенно не имеет эквивалента на монгольском языке. Его пришлось перевести сочетанием из трех слов: «мстить за зло воздать». Два слова «царьградская броня» оказалась необходимым перевести причастным оборотом «сделанная в городе хана, закаленная броня».

Таких случаев оказалось много. Это заставило Дамдин-Сурэна разбить каждую пушкинскую строчку на две части, таким образом, в каждой строфе перевода оказалось не шесть строк, как у Пушкина, а двенадцать.

Перевод «Песни о вещем Олеге» пользуется большим, вполне заслуженным успехом среди монгольских читателей.

Из сказок, как было сказано выше, переведены следующие: «О рыбаке и рыбке», «О золотом петушке», «О царе Салтане».

Сказка «О рыбаке и рыбке» по-существу является не переводом, а художественной переработкой (Ц. Дамдин-Сурэна). Сюжет сказки сохранен, но в ней выведены персонажи, быт, природа монгольские. Сказка эта в художественном отношении так искусно переделана, что она монгольскими читателями воспринимается как родная монгольская сказка.

Перевод сказки «О золотом петушке», сделанный Дашидоржи, к сожалению, нельзя считать удачным. Это не художественный перевод, а простой подстрочник, довольно точно передающий фабулу, но ни в какой мере не отражающий ни музыкальности, ни образности пушкинского стиха, не передающий ни эмоциональности, ни острого идейного содержания сказки.

Несравненно более удачно переведена «Сказка о царе Салтане». Этот перевод, принадлежащий Дэлик-Мунко и Джадамба, хотя и менее удачен, чем перевод Дамдин-Сурэна, является несомненно художественным.

В общем, о сказках можно сказать, что они в широких читательских кругах, а также и во всей аратской массе, несмотря на отдельные неудачные переводы, как сказка «О золотом петушке», читаются и рассказываются с величайшим интересом. Они стали настолько популярными, что вошли в монгольский фольклор, они воспринимаются и рассказчиками и слушателями как свои собственно-монгольские сказки и передаются из уст в уста.

С произведениями А. С. Пушкина большинство монгольского населения знакомо не только в переводах, но и в подлинниках.

Как известно, во всех монгольских школах изучается русский язык и русская литература, а потому не только каждый образованный монгол, но и большинство аратов знает язык дружественного Монголии русского народа. Пушкина читают не только в городах, но и в степях Монголии.

В Монголии не только знают и любят Пушкина, но и изучают его жизненный путь и творчество.

На монгольском языке имеются не только переводы произведений Пушкина, но также и ряд работ историко-биографического, публицистического характера.

В своей статье о Пушкине Цевен¹ дает анализ творчества великого поэта, называет его бесстрашным певцом, передовым борцом за светлое будущее человечества.

Н. П. Шастина в своей работе «100 лет со дня смерти Пушкина» дает на монгольском языке творческую биографию поэта.²

Талантливый поэт и прозаик Монголии Д. Нацокдоржи в своих беседах с товарищами о литературе называет А. С. Пушкина «жемчужиной человечества», «светлой звездой», озарившей «закабаленную страну царя Николая», далее он говорит, что лишь теперь, в советское время, произведения Пушкина проникли всюду, что только ныне, при советской власти, сбылись вещи строки его знаменитого «Памятника».

Существует еще целый ряд работ, к сожалению, известных мне лишь по названию.

¹ Цевен. 100 лет со дня смерти Пушкина, журн. «Шине толь», 1937, № 1, стр. 211—212.

² Н. П. Шастина. 100 лет со дня смерти Пушкина, журн. «Шине толь» 1937, № 5—6, стр. 208—220.

Произведения гениального русского поэта А. С. Пушкина, переведенные на монгольский язык, распространяются не только через печать, но также и при помощи радио.

Переводы, обогащая монгольский язык новыми словами, новыми понятиями, служат могучими факторами развития национальной культуры и литературы.

Я не ставлю перед собою задачи проследить влияние Пушкина на творчество монгольских писателей, так как это требует подробного изучения современной монгольской литературы и специального исследования, но все же считаю возможным сказать по этому поводу несколько слов.

При первом знакомстве с творчеством современных монгольских писателей без особо пристального анализа можно заметить следы пушкинского влияния. Пушкинские образы, манеру изложения, отдельные мотивы находим в творчестве Д. Нацокдоржи, особенно в цикле его стихов о временах года: «Зима», «Лето», «Осень» и «Весна».

Влияние Пушкина сказывается и в творчестве одного из ведущих писателей Монголии Ц. Дамдин-Сурэна, особенно ярко в стихах «Прогулка», которые написаны под впечатлением поездки по «Пушкинским местам» во время путешествия по Кавказу в 1936 г.

В этом стихотворении Дамдин-Сурэн, пользуясь образами Пушкина, живо, ярко и реально описывает природу Кавказа.

Образ Пушкина нашел свое поэтическое отражение в стихах Дамдин-Сурэна, написанных им в 1937 г. в дни скорбного юбилея — 100-летия со дня смерти великого поэта. В своих стихах Дамдин-Сурэн воспевает величие любимого всеми поэта, несравненный творческий дар и мастерство великого художника, его всемирную славу и мировое значение его творчества. Вот это стихотворение в дословном переводе.¹

А. С. ПУШКИН

Среди великой русской нации
Мудрецов, умом блестящим обладающих,
Светлых, как звезды, мыслителей
Много являлось всегда.

Средь великих мудрецов тех
Великий Пушкин выдается.
Блестит он ярко, как луна,
Средь звезд небесных.

Родился Пушкин Александр
Народу свободы желавший,
С просторным умом и острым талантом
Создал он славные песни свои.

Но царской власти травля
Певца любимого народом, безмерно тесня, погубила
Подобно тому, как черная туча небосклон покрывает
И месяца серп золотой затмевает.

Прошло сто лет с тех пор,
Как умер великий певец.
Народа жизнь изменилась безмерно,
Иною совершенно стала она.

Революции ветер черную тучу рассеял,
Лазурь небес высоких открылась,
Луна-волшебница ярким светом засияла
И множеством ярких лучей небосклон озарила.

Пушкина творенья, его звучные напевы
Зазвучали на всех языках:

¹ Перевод, сделанный мною, передает точно содержание стихотворения, но отнюдь не претендует на художественное его воссоздание на русском языке.

Скотовол степей, монгол гоби
Читает Пушкина стихи.

Поэт, стихи слагая, из слов составляет узор,
Подобный узору камней самоцветных.
Его создания как драгоценность сияют,
К стремленьям высоким призывом звучат ободряющим.

Когда услышишь Пушкина создания,
Словно действительность видишь глазами,
Создания таланта и мысли его,
Словно образы в чистом зеркале видишь.

Поэт творенья свои создает,
Слова в сочетаньи слагая,
Как зодчий из дерева или из камня,
Возводит высокие здания.

Из слов создаются разумные речи,
Из звуков мотив музыкальный рождается,
Стихи создаются из слов благозвучных и мудрых,
И Пушкин — мастер великий такого искусства.

Его стихи подобны
Пенью соловья.
Любому они по душе,
Их не любить невозможно.

Они словно теплсе дэли¹ в зимнюю стужу,
Прохладный напиток в летний зной,
Словно в темную ночь сиянье луны,
Словно влюбленному милой уста.

В них простор и удивленье,
Прочтем и возликуем!
В час отдыха — это наслажденье!
В час работы — вдохновенье!

---

¹ Дэли — теплая шуба из меха, мерлушки.

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9